

Личная история о синдроме Мюнхгаузена

Яд материнской любви



Как мама придумывала
мне болезни

Ольга Ярмолович

Ольга Ярмолович
Яд материнской любви.
Как мама придумывала мне
болезни. Личная история
о синдроме Мюнхгаузена

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68820999

Яд материнской любви: Как мама придумывала мне болезни. Личная история о синдроме Мюнхгаузена: Альпина Паблишер; Москва; 2023

ISBN 9785961486032

Аннотация

Для родителей естественно заботиться о здоровье своего ребенка, следить за его состоянием и обращаться к врачу в случае болезни. Но иногда мать, которая уверяет врачей, что ребенок тяжело болен и нуждается в постоянном уходе, лекарственной поддержке и процедурах, не здорова сама. У матери Ольги Ярмолович были ярко выраженные признаки делегированного синдрома Мюнхгаузена – редкого состояния, при котором родители намеренно вызывают у ребенка болезни или выдумывают их, чтобы обратиться за медицинской помощью.

«Хорошая новость заключается в том – и я напоминаю себе о ней каждый день, – что я выкарабкалась. Раз я смогла,

то это точно возможно. Для тех, кто сейчас проходит через нечто подобное, тех, кто в детстве прошел через тот же ад, тех, кто пытается отличить заботу от болезни и кто стремится найти на что опереться в поисках подтверждения своей нормальности, – для вас я расскажу историю о том, как я выживала и в конечном итоге выжила».

Ольга выросла и поняла, что ее диагнозы были вымышленными, тонны лекарств – ненужными, а обследования – калечащими тело и психику. Она написала откровенную и пронзительную историю о своем детстве, окрашенном цветами больничных палат. Это не просто первая в России книга о делегированном синдроме Мюнхгаузена, это история выживания, обретения зрелости и свободы от жестокого родителя и внутренних демонов, передающихся по наследству.

«Мать, посвятившая жизнь уходу за больным ребенком, отказавшаяся от карьеры, путешествий, саморазвития, личной жизни и скитающаяся по больницам в поисках диагноза, который бы объяснил все странные симптомы ее чада, вызывает в нашем обществе восхищение. В этом и состоит главная цель людей с синдромом Мюнхгаузена – получить внимание, симпатию, восхищение тем, как они справляются со сложностями и болезнями. Они создают проблемы, а потом героически их преодолевают».

Для кого

Эта книга для тех, кто хочет узнать больше о синдроме Мюнхгаузена и делегированном синдроме Мюнхгаузена.

Содержание

Вместо предисловия	9
Пролог	18
Признаки делегированного синдрома	26
Мюнхгаузена	
Часть I	31
Глава 1	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ольга Ярмолович Яд материнской любви. Как мама придумывала мне болезни. Личная история о синдроме Мюнхгаузена

С комментарием психиатра *Алексея Павличенко*

Редактор *Ольга Хардина*

Главный редактор *С. Турко*

Руководитель проекта *А. Деркач*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Корректоры *О. Улантикова, М. Смирнова*

Компьютерная верстка *М. Поташкин*

Иллюстрация на обложке www.gettyimages.ru

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, за-

прещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Ольга Ярмолович, 2023

© ООО «Альпина Пабlishер», 2023

* * *

Ольга Ярмолович

Яд материнской любви

Как мама придумывала
мне болезни

Личная история
о синдроме Мюнхгаузена



альпина
РАСКИНЕР

Вместо предисловия **Когда история болезни уже была написана...**

*Не знаю почему, но со мной часто случалось,
что самых свирепых и опасных зверей я встречал
в такую минуту, когда был не вооружен
и беспомощен.*

Из к/ф «Тот самый Мюнхгаузен»

У каждого человека случаются события, которые тяжело пережить, сложные периоды, о которых не хочется вспоминать. Именно такой этап начался в моей жизни, когда я заканчивала работу над книгой. Декабрь 2021-го резким движением уложил меня на лопатки. Я бы даже сказала, это был нокаут.

Пока я ехала с работы, прибыла скорая. Я застала недовольных врачей, стоящих на лестнице, и бабушку, мечущуюся по коридору в попытке найти паспорт.

Врач сказал, что даже без паспорта надо ехать в больницу как можно быстрее. Скорее всего, это ковид, и бабушку надо спасать. Для пущей убедительности он повторил это трижды. Паспорт я нашла, телефон – тоже, довела бабушку по сугробам до скорой помощи и помогла подняться. Тяжело дыша, она села на носилки, а я развернулась, чтобы выйти из ма-

шины.

– А вы что, не поедете? Это же ваша родственница? – спросил фельдшер.

Я настолько растерялась, что даже не нашла разумного аргумента: например, что в ковидную больницу не пускают родственников.

– У меня там еще одна родственница, если вы не заметили, – огрызнулась я.

Впрочем, даже такой сомнительный аргумент врач не смог парировать. Видимо, родственницу заметили. Уезжали так, что можно написать об этом отдельную главу. С драмой, с криками, с фанфарами. Когда я вернулась в квартиру посмотреть, как там мама, она уже в голос орала на диспетчера, что нужна еще одна машина. По крупницам я воссоздала произошедшие события. Оказалось, мама вызвала скорую себе, потому что у нее свело руки и ноги судорогой. Но когда бабушка открыла дверь бригаде, они, увидев ее состояние, быстро начали оформлять ее в больницу. Мать даже не думала, что бабушке нужно госпитализироваться. Когда на том конце провода у диспетчера тоже сложился пазл, девушка издала то ли вздох, то ли крик, то ли писк, в котором выразилось все несовершенство нашей медицинской системы. Но главное – она оформила вызов еще одной бригады на то же имя.

Во дворе тем временем произошло ДТП с участием скорой. Узкий проезд, зима, сугробы. Проезжавшая машина

не рассчитала габариты – и шлепнула неотложку зеркалом по попе. Из легковушки выскочила женщина и начала громко кричать на весь двор, размахивая руками:

– Понаставят скорых, не проехать! Вас тут вообще стоять не должно! Что это такое?

Следом вышел врач и тоже начал орать – на собственно-го же водителя:

– Вася, если ты не можешь ехать, я вызываю другую машину! Вася, ты слышишь меня? Вася, у меня бабка, ты понимаешь, у меня тут бабка!

Вишенкой на торте стал крик мужика с балкона:

– Тетка, не верь скорой, вызывай ментов!

Единственным адекватным человеком во всей этой истории был Вася. Он всех в итоге и успокоил.

Я наблюдала за происходящим с крыльца парадной, чувствовала, как в минус двадцать отмерзают мои ноги, и боролась с желанием подойти, ударить орущую женщину по лицу и закричать: «Там внутри, в машине, моя бабушка! Ей срочно нужно в больницу! Слышите, там моя бабушка, вопрос о ее жизни, а вы о какой-то царапине на зеркале!»

Бабушку с того вечера я больше не видела, она умерла в больнице ровно через две недели. Сейчас я думаю: ну почему я не обняла ее, не поцеловала, не сказала, что люблю, и никак не поддержала? Если бы я знала... Но мир так устроен, что обычно мы не в курсе, какая из встреч – последняя.

Около часа мы ждали вторую скорую. Когда из машины

начали выходить врачи в ковидных скафандрах, до меня дошло, почему предыдущая бригада была в таком раздражении. Вызывая врачей, мать не предупредила о возможном ковиде. Правда, пребывать в шоке от этого было некогда, надо было решать вопрос, как донести мать до машины.

Врач переписала данные паспорта и вручила его мне. Я же начала складывать его в косметичку вместе с телефоном, зарядкой и другими вещами в больницу.

– А вы что, в больницу не поедете? – От недоумения у нее даже защитные очки запотели.

– Нет.

– А кто ее там на каталке катать будет, кто в отделение повезет? Мы только до приемного покоя доставим.

Тут уже я подавилась от возмущения: что, у нас в больницах некому катить каталку с больным? От растерянности и усталости я во второй раз не нашла здравых аргументов.

На фоне этого сюрреализма мать играла хорошо отрепетированную драму на тему: «На погибель меня в больницу увезут», «Нет у меня никакого ковида», «Почему нельзя снять мне судороги дома, чтобы я прямо тут и умерла». Представления с участием скорой помощи, врачей, смертельных диагнозов и медицинских манипуляций всегда были любимым маминым жанром искусства. Я же плохо играла свою роль, никак не могла сосредоточиться и терялась. Хорошо, что была не одна.

– Кто ж ее в ковидную больницу-то пустит? – невозму-

тимо возразил друг, который пришел помочь донести мать до скорой.

– Действительно, не пустят.

Так меня второй раз за вечер чуть не увезли в ковидную больницу.

Фельдшер тем временем командовала:

– Один мужчина слева, второй справа, а вам достаются ноги!

«Ноги» прозвучало так, будто я стояла в KFC за несколько минут до закрытия и кассир предлагал мне взять то, что осталось: куриные ножки.

Когда двери машины скорой помощи захлопнулись, я отправилась домой выдохать и пить коньяк. Если бы в тот вечер не было рядом моего мужчины, даже не знаю, чем бы это кончилось. Именно тогда я узнала, что такое на самом деле пребывать в шоке. В настоящем, а не что-то типа: «Вы видели эти пробки?! Я просто в шоке!»

Первый день я не выпускала из рук телефон, словно он был гранатой с выдернутой чекой и мог взорваться в любой момент. Я вздрагивала от каждого звонка и проклинала спамеров, предлагающих кредит. От вида незнакомого номера буквально покрывалась холодным потом. Когда выяснялось, что это спам, испытывала облегчение, густо замешенное со злостью. Как они могут звонить в такой момент?

Я повисла в ощущении неизвестности, словно в невесомости. Мне казалось, что я не могу запланировать со стопро-

центной уверенностью даже утренний кофе. Я думала, что в любой момент может произойти все что угодно, что нарушит все планы: прозвучит звонок, делящий жизнь на «до» и «после», – и срочно придется нестись куда-то сломя голову.

Если рядом со мной никого не было и я оставалась наедине со своими мыслями, я впадала в ступор. Могла сидеть, глядя в одну точку и прокручивая в голове самые ужасные сценарии. Они колебались от организации похорон до выписки обеих моих родственниц под самый Новый год в беспомощном состоянии. Иногда моему мужчине приходилось напоминать, что надо бы уже встать, одеться и ехать на работу.

Все, что я могла, – это звонить в справочную, где сообщали короткую сухую информацию: «Температура 37,2, сатурация 97 %, но состояние тяжелое». Как же трудно мне давались эти звонки! Казалось бы, что сложного в том, чтобы набрать номер и задать один вопрос? Однако это стало для меня ежедневным испытанием.

Когда знакомый сказал, что ему тоже было сложно узнавать информацию о своей маме и за него это делала жена, я испытала не просто моральное, а еще и физическое облегчение. Казалось, будто часть напряжения в теле мигом ушла. «Со мной все в порядке! Я не одна такая!» – думала я.

Не знаю, чего я боялась больше: что мне сообщат о смерти или что скажут о выписке и, как следствие, о необходимости забирать и срочно решать вопросы по двоим лежащим боль-

ным. За первую неделю я выяснила, как организовывать похороны, сколько это примерно стоит, и теперь пыталась готовиться к любому исходу.

Когда в пятницу мне сообщили, что мать перевели в реанимацию, я минут на десять впала в липкий, качающийся на волнах страха и чувства вины ступор. С одной стороны, я осознавала реальную угрозу ее жизни, с другой – я уже так много раз испытывала нечто похожее и думала: «Ну, на этот раз точно не ложная тревога и все по-настоящему» – и ошибалась, поэтому мне было сложно поверить в происходящее до конца. Самой яркой мыслью была одна: если она умрет, все наконец закончится – и я буду свободна. Следом накрывала вина. Неужели я желаю смерти своей матери?

Если за первую неделю я выяснила, как организовывать похороны, то вторую была занята поиском контактов сиделок. Мать перевели в обычную палату, я дозвонилась до врача бабушки, который говорил о хорошем прогнозе, и я стала готовиться забрать их обеих из больницы.

Подвешенное состояние, в котором ты не знаешь, по какому сценарию все пойдет, душит. Оно как будто сковывает, не оставляя места для маневра, и ты, словно в метро в час пик, можешь только ждать – зажатый со всех сторон толпой, – когда же поезд доедет до твоей остановки.

В то утро я наконец-то договорилась с собой. Я приняла, насколько это вообще было возможно, что ситуация сложная и быстро не разрешится. Я напомнила себе, что жизнь у ме-

ня одна и, пока ничего не происходит, можно и пожить. Первый раз за две недели я приехала на работу в приподнятом настроении. В голове были планы, в душе – даже некоторая легкость и уверенность, что все разрешится. Именно тогда и поступил звонок, которого я так боялась. Звонил бабушкин врач: сообщить, что она умерла. Причина смерти – резко развившаяся дыхательная недостаточность на фоне ковида. Спасти ее не смогли. Шок и эмоции от этого известия я не могу сравнить ни с чем. Ощущение было, словно плечи зажали в тиски, в горле встал ком и тяжело вздохнуть, следом накатила безумная тоска. Слез не было. После объяснений врача, наполненных медицинскими терминами, все, что я смогла спросить у него, – это:

– Что я должна сделать?

А делать что-то особенное в этой ситуации, оказывается, и не нужно. Необходимо всего лишь приехать в морг – а там уже все по накатанной – один заказ-наряд, другой. Ритуальное агентство тут же, соседняя дверь от морга.

– *Гроб закрытый или открытый? Отпевание будете заказывать? Певчие девять тысяч рублей. Кремировать или хоронить? Гроб эконом или бизнес? В крематорий сами поедете? А в ЗАГС?*

Казалось бы, стандартные вопросы, но у меня было ощущение, что я на экзамене, а предыдущую неделю вместо подготовки шаталась по барам и возвращалась домой под утро. Сейчас я могу сделать только один вывод: готовым к это-

му быть совершенно невозможно, даже если специально настраиваться на худшее. А еще, когда принимаешь все решения в одиночку, непременно чувствуешь, что сделал что-то не так. Не тот гроб, не та одежда, не так все было организовано. Как будто недостаточно постарался, а где-то и вовсе сэкономил. Даже мысль о том, что похороны для живых, а не для мертвых, не помогала.

Мать выписали через неделю. Лежачую, с раком молочной железы, метастазами в легких и полным нежеланием ложиться в хоспис. Она так долго шла к этому диагнозу, так усиленно его добивалась, и вот наконец-то у нее получилось. Сейчас кажется, что, достигнув цели, мать наконец поняла: это совсем не то, чего она хотела.

Но что-то я начала с конца...

Пролог

Что у вас в анамнезе?

– Объясните суду, почему двадцать лет все было хорошо, и вдруг такая трагедия?

– Извините, господин судья, двадцать лет длилась трагедия, и только теперь все должно быть хорошо!

Из к/ф «Тот самый Мюнхгаузен»

Я родилась в семье врачей в 1988 г. Мое появление на свет стало для всех медицинским чудом. Маме диагностировали бесплодие, которое было следствием неудачного гормонального лечения в детстве. Однажды она приехала в Тверь из Латвии на очередное обследование, в ходе которого ей сообщили о беременности. Чуть меньше чем через девять месяцев родилась я.

Мама, бабушка и прабабушка были врачами. Прабабушка первая в семье получила высшее образование, даже защитила диссертацию. Кто знает, как бы сложилась моя жизнь, если бы она стала, скажем, искусствоведем? Но она стала врачом. Следом за ней подвиг повторила бабушка, а потом и мама. Стоматолог, психиатр и терапевт. Все безумно мнительные, в каждом чихе видящие аллергию, в каждом 37,2 °С – менингит, а в каждом порезе – перспективу заражения кро-

ви.

Свою первую болячку я прихватила вместе с выпиской из роддома – стафилококк. Естественно, сама я ничего не помню и узнала об инфекции при бесчисленных повторениях моего анамнеза мамой. Но в моем подсознании записалось: первая болезнь случилась уже на первом месяце жизни.

Мне было полгода, когда мы с мамой возвращались в Латвию, где служил папа. По пути из аэропорта меня укачало и начало рвать. В служебную часть меня привезли уже без сознания.

Дальше рассказываю историю, которую знаю только со слов. Врач в латышской больнице утверждал, что со мной все в порядке и я просто сплю. Мама думала иначе.

– Реб'юнок спит! – говорил он с характерным акцентом.

– Ребенок в коме! – настаивала мама.

У латышских врачей есть привычка втыкать в карман халата использованную иглу от шприца. Была она и у этого доктора. Мама выдернула иглу и воткнула в меня. Я полностью проигнорировала это мероприятие.

– Ребенок спит?! – с яростью спросила мама.

После этой выходки врач понял, что с моей матерью лучше не спорить, и согласился поставить мне капельницу. Через какое-то время я пришла в чувство и наглядно продемонстрировала, как веду себя, когда не нахожусь в коме.

Конечно, не обошлось без семейного врачебного консилиума, и меня начали усиленно обследовать. Как итог – диа-

гноз: ацетонемический синдром, что-то связанное с уровнем сахара в крови, но не относящееся к диабету. Практическая рекомендация была следующая: если от меня пахнет ацетоном, надо выпить глюкозы, ну, или съесть сахара.

Мое утро лет до шести начиналось с фразы: «А ну-ка дыхни!» – и употребления глюкозы. Как следствие, у меня испортились зубы, но об этом позже.

До 17 лет я побывала в больницах десятки раз с самыми разнообразными диагнозами. Если собрать их все, выйдет медицинская энциклопедия, а если суммировать все время, проведенное в больницах, – получатся года. История осложняется тем, что у меня удивительно хорошая память. Кто-то другой давно бы вытеснил травматичные воспоминания. Более того, вытеснение – вполне естественный процесс, но я помню всё.

Этот сериал советуют одним из первых по запросу «Фильмы о синдроме Мюнхгаузена». Но когда я первый раз села смотреть этот сериал, даже не подозревала, что он о синдроме Мюнхгаузена. Мой запрос в Google выглядел в духе: сериалы про жизнь. Меня зацепили красивые съемки, актерский состав и сама идея мини-сериала, который можно посмотреть за выходные.

Долгие годы скитания мамы со мной по больницам я воспринимала как подвиг, а ее слова о том, что она положила на это жизнь, вызывали острое чувство вины. Если бы одна-

жды Google не посоветовал мне посмотреть сериал «Острые предметы»¹, думаю, сейчас я бы рассказывала свою историю иначе, так как продолжила бы пребывать в иллюзиях.

История крутится вокруг убийств двух девушек-подростков, и основная интрига – в том, кто преступник. Однако есть в этом сериале то, что важно для нас с вами. В седьмой серии звучат слова: «Делегированный синдром Мюнхгаузена». По сюжету фильма, одной из героинь никак не могли поставить диагноз. Ее бесконечно таскали по больницам, обследовали, лечили, но ни одну из болезней не могли подтвердить наверняка. Я смотрела, как полицейский листает историю болезни, а медсестра в этот момент произносит: «Ее гоняли по кругу – разные врачи, разные диагнозы: болезнь Крона, учащенное сердцебиение, респираторные проблемы, проблемы с ЖКТ. Только подозрения на заболевания, ничто не подтверждалось».

Вначале меня накрыла невидимая пелена дежавю. Стоп... Это же так похоже на мое детство! Как будто я переместилась с дивана, на котором сидела и смотрела сериал, в кабинет врача. Я на кушетке, мама на стуле, за столом доктор перечисляет вслух мои диагнозы. Потом бросает взгляд на меня, пытаюсь понять, может ли все перечисленное быть у одного ребенка, и разводит руками в безуспешной попытке объяснить новые симптомы.

¹ Оригинальное название – Sharp Objects (2018). Снят по мотивам одноименного романа Гиллиан Флинн.

– Врачебный ребенок, – произносит он. – У врачей дети часто болеют.

Мама подхватывает, хватаясь за эту фразу, как за спасительную веревку:

– Да, да, врачебный ребенок, это точно.

Все жду слов доктора: что нужно делать, чтобы выздороветь. Но он не говорит, и мы почему-то уходим.

Я вернулась в реальность, поставила фильм на паузу и, с третьей попытки разблокировав телефон, залезла в «Википедию».

«Под делегированным синдромом Мюнхгаузена, или синдромом Мюнхгаузена по доверенности, понимают такой вид симулятивного расстройства, при котором родители или лица, их замещающие, намеренно вызывают у ребенка или уязвимого взрослого человека (например, инвалида) болезненные состояния или выдумывают их, чтобы обратиться за медицинской помощью»². Проще говоря, матери придумывают болезни своим детям и залечивают их.

Я замерла и примерила прочитанное на свое детство. Все настолько созвучно, что страшно было согласиться с этим: неужели это касается и меня? Только в 30 лет, когда я стала самостоятельной и абсолютно независимой от семьи, в мою голову впервые пришла мысль: то, что происходило в моем детстве, не было нормальным. Впрочем, дальше этого мыс-

² Синдром Мюнхгаузена. https://ru.wikipedia.org/wiki/Синдром_Мюнхгаузена (дата обращения: 07.10.2022).

ли не пошли. Требовалось время, чтобы свыкнуться с осознанием.

Различают несколько форм синдрома Мюнхгаузена: простой и делегированный (или «по доверенности»). В первом случае человек придумывает болезни для себя, иногда даже специально наносит себе увечья, а во втором – приписывает заболевания подконтрольному человеку, чаще всего ребенку, реже – инвалиду или пожилому родителю. Недавно стали выделять еще одну форму – онлайн-Мюнхгаузен, подразумевая людей, которые жалуются на несуществующие болезни в интернете.

Как-то вечером, гуляя с собакой, мы с моим мужчиной прошли мимо школы, которую я окончила. Неожиданно меня посетило воспоминание:

– Смотри, поликлиника прямо напротив школы. Мне так это нравилось!

– В смысле? – недоумевал он.

– Ну, из поликлиники в школу можно быстро попасть. Дорогу перешел, и – оп – сразу в школе.

– И что? – Он все еще не понимал, о чем я говорю.

Тут я запнулась и поняла: то, что было неотъемлемой частью моего детства, для других звучало как нечто из ряда вон. У обычных детей не было в голове мыслей типа: «Успеть бы сдать кровь перед первым уроком» или «Попасть бы на прием к врачу в большую перемену». Обычные

дети на переменах болтали, обменивались книжками, обедали, в конце концов, а я пыталась успеть в поликлинику.

Окончательное осознание пришло, когда я заболела коронавирусом. Чувство беспомощности, вызванное жизнью вап-перти, заставило меня вспомнить, как я переживала подобное в детстве, и не раз. Я села за компьютер и начала одно за другим записывать воспоминания о болезнях, об уни-зительных процедурах. Спустя час окинула взглядом текст – и испытала ужас. Из всей мозаики, которую составляли боль-ницы, лекарства, обследования, складывалась совершенно однозначная картинка: надо мной в детстве совершали наси-лие, как физическое, так и моральное. Следующая мысль – несмотря на это все, я смогла жить дальше, причем пол-ной жизнью: много путешествовать, получать профессию, водить машину.

Мне очень хотелось обнять себя маленькую и рассказать ей, что, несмотря ни на что, у нас все получится, а еще – поделиться со всем миром фактом: даже ребенок, на кото-ром ставили крест десятки врачей, чья медицинская карточ-ка по толщине не уступала тому Большой советской энцик-лопедии, может жить полноценно. В какой-то момент мне даже показалось, что если я не напишу обо всем, через что прошла, то пережитое окажется напрасным.

В одной беседе, отвечая на вопрос «О чем ты хочешь на-писать?», я взяхлеб начала говорить, что книга будет о том, как меня залечивали в детстве, как издевались надо мной

во время медицинских манипуляций, как я «болела». Собеседница прервала меня очень емким и хлестким вопросом: «То есть книга будет о том, что у твоей мамы синдром Мюнхгаузена?»»

В моем подсознании окончательно рухнули защитные механизмы, и мне не осталось ничего, кроме как признать то, что я и так прекрасно знала: да, похоже, у моей матери синдром Мюнхгаузена.

В чистом виде синдром Мюнхгаузена – это симулирование болезней у себя. Когда это делается в отношении детей, его называют делегированным синдромом, или синдромом Мюнхгаузена по доверенности. В том и другом случае это делается ради привлечения внимания. Что особенно важно отметить: это психическое расстройство.

В одном из материалов³ я нашла примерный перечень признаков, указывающих на наличие синдрома, и сопоставила их со своей историей.

³ Комиссарова Е. Что такое делегированный синдром Мюнхгаузена и чем он опасен // Лайфхакер. 2020. 21 янв. <https://lifehacker.ru/delegirovannyj-sindrom-myunxgauzena/>.

Признаки делегированного синдрома Мюнхгаузена

1. Мать⁴ выглядит заботливой и крайне обеспокоенной состоянием своего ребенка.

Еще как! Мама всегда ехала со мной на скорой, оставалась в больнице, бегала по врачам и привлекала их внимание, требуя, чтобы меня немедленно осмотрели. А еще мастерски насаждала чувство вины. Когда я говорила, что мне плохо, больно, страшно, хочется домой, ответ был один: «Радуйся, что меня вообще к тебе пустили. Я в детстве одна лежала в больницах – так что терпи!»

2. Мать очень дружелюбна и с ходу идет на контакт с врачами, подробно рассказывая им о симптомах заболевания.

Более чем! Иногда даже настолько подробно, что складывалось впечатление, будто это у нее что-то болит, а не у меня. Тогда я, конечно же, этого не замечала. О чем-то задумалась я, только когда в мои 24 года мама посещала со мной гинекологов, по которым я скиталась в надежде забеременеть. Однажды, когда я начала отвечать на вопрос, какие у меня

⁴ Также это может быть бабушка, отец или другой значимый взрослый. – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, прим. авт.

месячные, мама перебила меня: «Нет, все совсем не так, давай лучше я расскажу!» Взрослый человек утверждал, что знает про мои месячные больше, чем я сама. В тот момент я мягко настояла на своем, и маленькое зерно сомнения закралось мне в голову. Ему только предстояло прорасти.

3. Мама подкована в вопросах медицины, отлично ориентируется в названиях препаратов и диагнозах.

Мама – врач, и этим все сказано.

4. Ребенок часто, до нескольких раз в год, оказывается в стационаре.

Снова в точку! Бывало, я ложилась в больницу с периодичностью раз в два месяца, и абсолютно точно не проходило и года, чтобы я хоть пару раз не уехала на скорой. Иногда мое пребывание в стационаре затягивалось на месяц.

5. Заявленное матерью состояние и симптомы ребенка не соответствуют результатам анализов. Причем госпитализации предшествует странный набор симптомов, который нельзя отнести к какому-то конкретному заболеванию.

Такое тоже часто случалось. Я была своеобразной медицинской загадкой, которую с большим энтузиазмом рвались отгадывать врачи. Правда, только поначалу. По мне можно было писать сценарий «Доктора Хауса»! Симптомы совер-

шенно разных болезней, странная сыпь или боль, необъяснимые результаты анализов. Туманные диагнозы, которые все чаще шли с пометкой «под вопросом».

6. Как только ребенок попадает в больницу, его самочувствие стремительно улучшается, странный недуг отступает.

Мне действительно становилось лучше в больницах. Мама радостно сообщала всем, что я Близнецы – и всегда лучше поправляюсь в коллективе. Доподлинно неизвестно, дело в гороскопах или в том, что в больнице фактор, из-за которого я заболела, отступал. Проще говоря, мама переставала меня травить и мне становилось легче. Возможно, это просто совпадение.

7. Симптомы вновь начинают проявляться, лишь когда пациент уезжает домой.

Один такой случай я помню совершенно точно. Мне ставили диагноз «опухоль головного мозга», который был, естественно, под вопросом. После двух недель в больнице меня наконец-то отпустили домой на выходные. В воскресенье мне резко стало плохо, и меня срочно повезли обратно.

8. Есть подозрения, что анализы подменяются. Например, принесенная на анализ моча имеет характеристики мочи взрослого человека, а не ребенка.

Таких фактов у меня нет. Анализ крови сложно подменить, а о подмене каких-то других своих анализов я не знала.

9. В крови, стуле или моче ребенка есть признаки наличия химических веществ.

Этого я тоже не припомню. Но, безусловно, мне, как ребенку, рассказывали далеко не все.

10. Нормальные результаты анализов не успокаивают мать. Она требует перепроверки. И, наоборот, выглядит удовлетворенной («Я же говорила!»), когда состояние ребенка ухудшается.

Это бывало, и не раз. «Сдать, а потом еще раз пересдать все анализы» – был чуть ли не девиз моего детства.

11. Лечение занимается только один родитель. Второй, а также другие члены семьи не принимают в этом никакого участия.

Папа отстранился от моих бесконечных проблем со здоровьем. Иногда он даже использовал слово «придури́т» в отношении того, что со мной происходило. В чем-то он был точно прав.

12. Есть подозрения (например, видеозапись или слова соседей по больничной палате), что мать совершает действия, способные ухудшить симптомы или нанести

вред ребенку.

Таких фактов у меня тоже нет.

13. У другого ребенка в семье тоже была необъяснимая болезнь, а то и летальный исход.

Тут мне нечем козырять, я единственный ребенок в семье. Если уж по-честному, то более пристального рассмотрения заслуживает вопрос о болезнях самой мамы, но об этом мы поговорим отдельно.

В статье сказано, что наличия трех-четырех пунктов достаточно, чтобы присмотреться к семье внимательнее. Если их больше, диагноз становится крайне вероятным. В моем случае можно констатировать девять совпадений из тринадцати. Выводы напрашиваются сами собой.

Хорошая новость заключается в том, – и я напоминаю себе о ней каждый день, – что я выкарабкалась. Раз я смогла, то это точно возможно. Для тех, кто сейчас проходит через нечто подобное, тех, кто в детстве прошел через тот же ад, тех, кто пытается отличить заботу от болезни и кто стремится найти, на что опереться в поисках подтверждения своей нормальности, – для вас я расскажу историю о том, как я выживала и в конечном итоге выжила.

Часть I

Это у вас наследственное

Глава 1

Первый ошибочный диагноз

Отмотаем еще немного назад, до 1961 г., и констатируем, что моя мама тоже выросла в семье врачей. Бабушка училась в интернатуре, когда родила дочь. Затем она стала психиатром, к слову, сама, скорее всего, имея тревожное расстройство. Маме было два года, когда бабушка, застукав дедушку с молодой (хотя куда моложе? Бабушке было 23) буфетчицей, развелась и обрушила всю свою тревожность на маму.

Судя по известным мне историям, мама в детстве лежала в больницах одна. Это происходило не оттого, что бабушка не хотела быть с дочкой, – родителей в ту пору банально не пускали. Такие были порядки в СССР.

Как вы уже знаете, в детстве маму лечили гормональной терапией. Ей было около пяти лет, когда врачи поставили диагноз, связанный с эндокринными проблемами (какими точно, я не знаю) и назначили лечение гормонами. Результатом стало то, что совершенно нормальный ребенок превратился в колобка с пухлыми щечками и вторым подбородком. Увы,

с лишним весом мама уже не справилась никогда.

Главное в этой истории то, что диагноз был поставлен неправильно и того лечения, которое было назначено, вообще не требовалось. Какая-то особая ирония есть в том, что первый ошибочный диагноз в моей истории поставлен не мне, а маме. Почему в моей? Поймете дальше!

Этот эпизод настолько зацепил маму, что его актуальность не терялась и все мое детство: то есть больше 20 лет спустя. Строго говоря, он задел всю семью. Бабушка очень любила показывать мамины фото до и после болезни, а потом причитать: «Как же так, всю жизнь испортили!» В детстве маме всецело принадлежало внимание бабушки и прабабушки. Единственная дочка, умница, отличница – всё для нее. Поэтому, когда бабушка вышла замуж второй раз, маму эта ситуация не устроила. Она делала все, что делают дети, которым не нравятся новые мужья и жены их родителей. Об этом она мне рассказывала сама. Не знаю, что стало решающей причиной развода, но именно к нему пришла бабушка всего через два года после второй попытки построить семейную жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.